

Академия наук Республики Таджикистан
Институт истории, археологии и
этнографии им. А. Дониша

Саразмско-Пенджикентский археологический заповедник
Пенджикентская археологическая база

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Материалы международного научного
Круглого стола,
28-30 марта 2019 года, г. Пенджикент*

Душанбе – 2020

УДК 902.3 + 902.6 (575.3)
ББК 63.4 (2 тадж.)

Утверждено к печати Ученым советом

Редакционная коллегия: Н.К. Насрулло, Г.Р. Каримова (отв. редактор),
Н.Н. Сайфуллоев, Т.Г. Филимонова, Н.М. Худоёрова, А.Р. Раззоков, Ш.Ф. Курбанов

Рецензенты: д.и.н. Ш. Вохидов
к.и.н. И. Рахматуллоев

Организационный комитет Круглого стола: к. и. н. Н.Н. Сайфуллоев (ИИАиЭ им. А. Дониша, председатель); к. и. н. Г.Р. Каримова, к. и. н. Т.Г. Филимонова (ИИАиЭ им. А. Дониша); к. п. н. Н.М. Худоёрова (Пенджикентская археологическая база)

Культурное наследие в контексте традиционных и междисциплинарных исследований: Материалы Международного научного Круглого стола, 28-30 марта 2019 г., Пенджикент. — Душанбе: Дониш, 2020. — 122 с.

В сборнике статей изложены результаты докладов, вошедших в программу Круглого стола, который состоялся в Пенджикенте-Саразме в марте 2019 г. Представлены публикации по разделам, отражающим изучение различных эпох: каменного века, энеолита и бронзы; проблемы раннесредневековой истории и археологии. Отдельный блок составили доклады по истории таджикского народа. Издание предназначено для археологов и историков, а также для специалистов смежных и естественно-научных дисциплин.

© Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ, 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

I. Археология

<i>Каримова Г.Р.</i> Феномен Саразма	6
<i>Курбанов Ш.Ф., Шенкаръ М.</i> Уникальные находки из Санджаршаха	19
<i>Отабоев О.Х.</i> Методы реставрации и консервации памятников сырцово- архитектуры (на примере протогородского поселения Саразм)	35
<i>Тшшкин А.А., Матренин С.С.</i> Воинские пояса кочевников алтая хуннуского времени из могильника Яломан-II	43
<i>Худмагелдиев Т.У.</i> Междисциплинарные исследования изучения стоянок каменного века на юге Таджикистана	59
<i>Юсуфшо Якубшо.</i> Миджмар – алтарь огня и его генезис в зороастризме	77

II. История

<i>Абдулвохидова Ф.М.</i> История изучения физико-географического и климатического описания Гиссарского бекства русскими исследователями (конца XIX - начала XX вв.)	92
<i>Зарифов М.А.</i> Вклад Б.И. Маршака в изучение истории искусства Согда (по материалам древнего Пенджикента)	102
<i>Сангинов Д.</i> Становление и историко-культурное развитие мадраса восточной Бухары	109

А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ВОИНСКИЕ ПОЯСА КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЯЛОМАН-II

В статье представлены результаты изучения наборных поясов, которые были обнаружены в мужских погребениях усть-эдиганского этапа булан-кобинской археологической культуры на памятнике Яломан-II в Онгудайском районе Республики Алтай (Россия). Эти находки характеризуют часть костюма кочевников Алтая хуннского (сюннского) времени. Анализируемая коллекция включает пряжки, бляхи, наконечник ремня, кольца, ложечковидные подвески-застежки. Сравнительное исследование позволило осуществить датировку данных изделий, а также сделать вывод о преобладании пришлых центрально-азиатских традиций в оформлении поясов у кочевников Алтая в течение II в. до н.э. – I в. н.э. Сделанные наблюдения и заключения будут способствовать реконструкции нескольких разновидностей наборных поясов у населения булан-кобинской культуры. Публикуемый материал является информативным источником для уточнения относительной хронологии археологических памятников Алтае-Саянской горной страны хуннского (сюннского) времени.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, кочевники, хунну (сюнну), наборный пояс, снаряжение, хронология.

Включение Алтая в состав кочевой империи, созданной хунну/сюнну, принципиально изменило облик материальной культуры населения данного региона. Отражением этого является разнообразный сопроводительный инвентарь в погребениях раннего (усть-эдиганского) этапа булан-кобинской культуры (рис. 1). Важным источником для изучения центрально-азиатских инноваций выступают наборные пояса, представленные в настоящее время разными модификациями пряжек, блях, наконечников, подвесок-застежек, колец, блоков и других изделий. Предметы, найденные в нетронутых курганах, содержат в себе ценную информацию для осуществления хронологической атрибуции погребальных памятников и реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия народов Центральной и Северной Азии в период поздней древности (ранний железный век).

В обозначенном контексте научное значение имеют остатки воинских поясов, зафиксированные в процессе раскопок некрополя Яломан-II в Центральном Алтае. Этот археологический комплекс, открытый и исследованный одним из

авторов статьи, располагается вблизи устья р. Большой Яломан на четвертой надпойменной террасе левого берега Катунь, в Онгудайском районе Республики Алтай (рис. 2). В течение нескольких полевых сезонов (начиная с 2002 г.) на юго-западном участке могильника исследована группа из 28 объектов усть-эдиганского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.) булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2002, 2003, 2005, 2006; Тишкин, 2007; Tishkin, 2011; Тишкин, Матренин, 2011; и др.).

Детали поясов, относящихся к воинскому снаряжению (рис. 3–7), обнаружены на памятнике Яломан-II в трех мужских погребениях хуннского (сюн-хунского) времени.

Курган №43. В области «живота» умершего человека расчищены остатки кожаного ремня, покрытого лаком. Многочисленные фрагменты лака шириной до 2,5 см с внутренней стороны были черного цвета, а с внешней – красновато-бордового оттенка (рис. 3.-27–36, 41–49). На некоторых из них прослежены отверстия. Местами с пластинами лака находились обрывки золотой фольги (рис. 3.-9–26, 37–40) и зафиксирован маленький полудрагоценный камень (рис. 3.-6). Поясная пряжка имела деревянный корпус и присоединялась к ремню с помощью железных шпеньков (рис. 3.-3). Сверху ее находилась золотая бляха-накладка, которая была обрезана по краю деревянной основы (рис. 3.-1). Целая аналогичная бляха-накладка с изображением головы рогатого дракона с усами и глазами из камней черного цвета (рис. 3.-2; рис. 4), по всей видимости, покрывала деревянное изделие овально-прямоугольной формы с прорезью, крепившееся на противоположном конце ремня и сохранившееся частично (рис. 3.-4–5). На поверхности древесины также отмечены маленькие фрагменты золотой фольги.

С помощью стационарного рентгенофлуоресцентного спектрометра (прибор ArtTAX, аналитик С.В. Хаврин) в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург, Россия) был установлен количественный состав представленных металлических находок:

– поврежденная накладка (рис. 3.-1): Au (золото) – 77,5–77,9%; Ag (серебро) – 20,2–20,7%; Cu (медь) – 1,7–1,9%;

– целая накладка (рис. 3.-2; рис. 4): Au – 77,5–78,1%; Ag – 20–20,3%; Cu – 1,8–2,2%;

– обрывки фольги (рис. 3.-9–26, 37–40): Au – 83,4–84,6 (74,2)%; Ag – 14,7–15,7 (24,9)%; Cu – 0,7–1%.

Из перечисленных данных ясно, что обе накладки были изготовлены в одно и то же время и из одного золотого листа. А вот фольга, использованная для украшения других частей пояса, оказалась разного происхождения.

Остальные детали гарнитуры представлены лежачковидными подвесками-застежками из кости (рога?) и цветного металла (рис. 1. 7–8), сохранившимися не

полностью. Они были найдены у верхней части таза, а также сбоку от бедренной кости левой ноги и могли закрепляться на окончания подвесных ремешков.

Курган №48. Составные части ременной гарнитуры лежали на тазовых костях. В комплект входили следующие железные предметы: пряжка с подвижным язычком (рис. 5, 1), три больших и два малых кольца (рис. 5, 2–6), находившиеся по бокам (четыре слева, одно – справа) на разном удалении друг от друга. Кроме них найдена ложечковидная подвеска-застежка из цветного металла (рис. 5, 7). Под тазом обнаружен фрагмент костяного (рогового?) изделия, которое также могло быть ложечковидной подвеской-застежкой (рис. 5, 8). Кожаная основа пояса не сохранилась. Железные кольца присоединялись к ремню, скорее всего, с помощью подвижных кожаных петель, а ложечковидные подвески-застежки фиксировались на специальные ремешки. Основанием предлагаемого варианта крепления указанных деталей является находка хорошо сохранившейся связки кожаных ремней и металлических изделий поясных гарнитур в составе Июсского клада II – I вв. до н.э. (Бородовский, Ларичев, 2013, рис. 29, с. 93).

Курган №60. В могиле-кенотафе зафиксированы три ажурные металлические бляхи с позолотой (рис. 6, 1–3; рис. 7, 3–5), бронзовый наконечник ремня (рис. 6, 4; 7, 2), медный «костылек-застежка» (рис. 6, 5) и фрагменты кожаных ремней (рис. 6, 6–7). Основной ремень имел ширину около 4 см, подвесной – 1 см.

Полученные материалы хранятся в г. Барнауле (Россия), в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (коллекция №181). Обнаруженные ременные гарнитуры наборных поясов являются важными источниками для определения относительной хронологии закрытых комплексов Алтая хуннуского (сюннуского) времени. Рассмотрим данные изделия по следующим категориям.

Пряжки и бляхи-накладки. Железная пряжка с подвижным язычком на основании рамки без щитка (рис. 5, 1) из кургана №48 является типичным образцом из поясных гарнитур культуры хунну (сюнну). Наиболее ранние экземпляры их происходят из памятников Центральной Азии II в. до н.э. (Коновалов, 1976, табл. XI, XII; Давыдова, 1996, табл. 1, 3, 8, 10–12, 23, 26, 35, 40, 49, 50, 52; Миняев, 1998, табл. 7, 23, 40, 56, 67, 82, 93, 96, 104, 108, 120; Пан Линь, 2007, с. 63–73). При установлении нижней даты появления таких пряжек важно обратить внимание на отсутствие аналогичных изделий в погребениях кочевников III в. до н.э. Северного Китая с признаками влияния хунну, а также среди предметов, отражающих хуннуские (сюннуские) новации в памятниках саглынской культуры Тувы III – начала II вв. до н.э. (Ковалев, 2002; Семенов, 2003, с. 77–80). По мнению одного из авторов (Матренин, 2013, с. 229–230), на Алтае железные пряжки с подвижным язычком могли использоваться, вероятнее всего,

со 2-й трети II в. до н.э., но данное предположение еще требует дополнительных доказательств.

Из кургана №43 происходит пряжка, выполненная из дерева и металла (рис. 3.-3). Несмотря на плохую сохранность, есть основания считать, что она могла быть снабжена неподвижным шпеньком на лицевой стороне дужки, которая отломилась. Хотя не стоит исключать вариант отсутствия застежки. Обнаруженные поясные накладки (рис. 3.-1-2; 4) являются высокохудожественными образцами импортных поясных гарнитур, попавших к носителям булан-кобинской культуры Алтая в процессе активных контактов с хунну (сюнну). Скорее всего, они выполнены китайскими мастерами и оказались вместе с поясом в составе даров «элите» кочевников. Особенности декора позволяют сравнить экземпляры из памятника Яломан-II с пряжкой в виде «головы сатира» из захоронения хуннуской (сюннуской) знати в некрополе Царам (курган №7) (2-я половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.) и бронзовым «навершием» рукояти китайской колесницы из элитного хуннуского (сюннуского) погребения в могильнике Гол Мод (курган №20) (начала I в. н.э.) (Миняев, Сахаровская, 2007, рис. 18; Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2007, рис. 3; Brosseder, 2011, fig. 43.-13; 44.-3). Стилистическое сходство изделий с территории Алтая и находок из Бурятии и Монголии может свидетельствовать об их принадлежности к одному хронологическому пласту, при доминировании культуры хунну (сюнну) и опосредованном влиянии Китая.

Деревянная бляха или пряжка-блок с прорезью (рис. 3.-4) из кургана №43, имела, скорее всего, нашивной способ фиксации, весьма популярный у центрально-азиатских хунну (сюнну) во II-I вв. до н.э. Практически идентичные изделия (2 экз.) происходят из памятника хунну (сюнну) Тахилтын хотгор, исследованного на территории Монгольского Алтая (Батмунх, 2008, с. 101–103, 117). На основе таких изделий уже в новой эре разрабатывались бляхи из металла и дерева, присоединявшиеся к ремню с помощью шпеньков. Они известны в I в. н.э. у поздних хунну (сюнну) Монголии (Гол Мод, курган №20; Тэбш-уул, погребение №8; Бурхан толгой, погребение №47) и Восточного Забайкалья (Кия-13), в конце I – III вв. н.э. у сяньби Приаргунья (Зоргол-I), Маньчжурии (Лаохэшэнь), Внутренней Монголии (Линьбоа и др.), у кочевников Тувы (Аймырлыг-XXXI, погребение №17)* (Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, рис. 8.-283; Jean Inp, Wang Sja, Hei Meen, 1985, рис. 5.-4; Яремчук, 2005, рис. 96.-9; Цэвэндорж, 1985, рис. 3.-16; Предварительное исследование сяньбийских погребений... , 2004, рис. 29.-2; Wang Renxiang, 2009, p. 455; Treasures of the Xiongnu...,

* Авторы выражают признательность Е.В. Ковычеву (г.Чита) за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами погребальных комплексов Кия-13 и Зоргол-I, а также Н.Н. Николаеву (г. Санкт-Петербург) за работу с материалами памятника Аймырлыг-XXXI.

2011, fig. 176). На Алтае более поздние изделия с такими морфологическими особенностями обнаружены в кургане №227 могильника Балыктыюль (Сорокин, 1977, рис. 5.-1, 2), относящегося к бело-бомскому (II – I-я половина IV вв. н.э.) этапу булан-кобинской культуры.

Три поясные бляхи из кургана №60 практически идентичны (рис. 6.-1-3; 7.-3-5). На лицевой поверхности они имели ажурное изображение двух кошачьих хищников, стоящих на задних лапах спиной друг к другу (рис. 6.-3а). Орнамент прослежен и между голов животных. В центральной части каждое изделие снабжено крупной прорезью. Бляхи прикреплялись к поясу с помощью 5-6 небольших отверстий в верхней части ровной планки корпуса. Описываемые предметы обнаруживают аналогии с изделиями из погребения №138 Иволгинского некрополя, датирующегося II-I вв. до н.э. (Давыдова, 1996, табл. 39.-2), а также из других памятников (Ling, 2011, fig. 10). Похожие по конструкции и способу крепления бляхи, выполненные в иной художественной традиции, зафиксированы в тюркитике сяньби II-III вв. н.э. Внутренней Монголии, от которых они попадают к населению улуг-хемской культуры Тувы (могильник Аймырлыг-XXXI) и к племенам Среднего Енисея (Салбык) (Jean Inp, Wang Sja, Hei Meen, 1985, рис. 5.-4; 7.-3; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-58; Вадецкая, 1999, рис. 15.-12; Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, рис. 1, 2, с. 165, 168; Wang Renxiang, 2009, p. 455). Хронология поясных блях из кургана №60 могильника Яломан-II может быть определена в рамках II-I вв. до н.э.

Бронзовый ажурный наконечник ремня (рис. 6.-4; 7.-2) из кургана №60 относится к ранним модификациям данной категории деталей поясных гарнитур в Центральной Азии. Аналогичные по способу крепления (с помощью прорези) и форме (овально-прямоугольная) экземпляры в бронзовом или железном материале (с золотым покрытием), но с монолитным корпусом появились впервые у хунну (сюнну) Забайкалья и Монголии в конце I в. до н.э. (Коновалов, 1976, табл. XIV.-1-14; Давыдова, 1995, табл. 14.-11, 12; Цэвэндорж, 2000, рис. 12; Ковычев, 2006, с. 248). От хунну (сюнну) в I-II вв. н.э. подобные изделия заимствует кочевое население Бактрии и Согда (Мандельштам, 1992, табл. 42.-21; Сариниди, 1989, рис. 37.-2; Никаноров, Худяков, 1999, рис. 1.-10). Примерно в то же время они попадают в качестве импорта к носителям саргатской культуры Западной Сибири (Матвеев, Матвеева, 1991, с. 22, рис. 16.-2, 3; Матвеева, 1993, рис. 10.-13, 14; 1994, рис. 30.-39; 36.-4; Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 57, рис. 45.-3, 4). Под влиянием центрально-азиатской моды такие наконечники ремней получили распространение у сармат Приуралья и Восточной Европы во 2-й половине I – II вв. н.э. (Малашев, 2000, с. 198-200, 209, 222, 223, рис. 2; Малашев, Яблонский, 2008, с. 56-57, рис. 205.-11-12, 14-17), от которых они попали к «пьяноборскому» населению Прикамья (Пшеничнюк, 1968,

рис. 15.-10, с. 80). Похожие предметы известны на территории Кузнецкого Алатау в Усть-Абинском могильнике III – начала IV вв. н.э., а также в коллекции находок из Айдашинской пещеры (Ширин, 2003, табл. LXXVIII.-125–127; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. V.-3, 4). Художественное оформление яломанской находки воспроизводит элементы декора ременных наконечников из хуннского (сюннского) погребального комплекса Дунд шаньин амны (Южная Монголия), датировка которого точно не установлена, а также более поздних образцов I – начала II вв. н.э. из Бабашовского некрополя (Бактрия) и могильника Новый (Северное Причерноморье) (Цзвэндорж, 2000, рис. 13; *Treasures of the Xiongnu...* 2011, p. 133; Малашев, Яблонский, 2008, с. 57, рис. 205.-9, 11, 12).

Ложечковидные подвески-застежки. Хорошо сохранившееся металлическое изделие (рис. 5.-7) из кургана №48 имело прорезную втулку и неорнаментированную лицевую поверхность. Аналогичные по конструкции предметы (часто с орнаментом (рис. 7.-1)) являются ярким маркером погребального инвентаря хунну Монголии и Забайкалья II–I вв. до н.э. (Давыдова, 1996, табл. 8.-3, 4, 7; 16.-2; 26.-2; 39.-6; 46.-15, 16; 51.-4–7; Миняев, 1998, табл. 8.-15; 64.-5–7; 57.-13; 63.-4, 5; 80.-4–7; 81.-4–6; 83.-29–31; 93.-3; 103.-8–13; 104.-8–13; 125.-7)*. Важно отметить отсутствие металлических ложечковидных подвесок-застежек в погребениях с хуннскими новациями Северного Китая III в. до н.э. и Тувы III – начала II вв. до н.э. Население булан-кобинской культуры стало использовать ложечковидные подвески-застежки с прорезной втулкой во II в. до н.э. Верхняя хронологическая граница бытования таких изделий определяется предварительно I в. н.э. На рубеже новой эры их существенно потеснили железные и бронзовые ложечковидные подвески-застежки с цельной втулкой, существовавшие до 2-й половины I – начала II вв. н.э. (Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, рис. 13; Brosseder, 2011, fig. 50.-36; *Unvestigation of Xiongnu elite burials Gol Mod 2 at Balgasyn tal.*, 2015, p. 141).

Костяная (роговая?) ложечковидная подвеска-застежка из кургана №43 обнаруживает наибольшее сходство с экземпляром из погребения хуннского (сюннского) времени Терезин в Туве (Leus, 2011 fig. 7.-16). Подобные изделия известны раньше (Шульга, 2008, рис. 40.-8, 9; Могильников, 1997, рис. 48.-4; и др.) и немного позже (Сорокин, 1977, рис. 10.-1). Поэтому рассматривать их в качестве хронологических индикаторов проблематично.

Железные кольца-подвесы из кургана №48 имеют многочисленные аналогии в хуннских (сюннских) погребениях Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. (Давыдова, 1996, табл. 5.-19, 20; 11.-23–26, 30; 12.-20–22; 16.-3, 4; 17.-7;

*Представительные серии из могильников Бурятии показывают, что данные предметы использовались также в качестве подвесок-застежек верхней одежды.

22.-15; 23.-6, 7; 26.-11, 13, 14; 27.-8, 13, 15; 32.-10; 33.-7; 34.-10; 35.-2; 37.-4; 39.-22; 41.-5; 42.-5, 7; 47.-15; 52.-7-9; Миняев, 1998, табл. 52.-1-3; 55.-6; 56.-5, 6; 59.-6, 8, 9; 67.-13; 99.-12-16; 101.-5, 6, 10; 83.-28; 93.-5, 10; 96.-5; 120.-14, 15; 115.-3, 4; 116.-4, 5; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 178, рис. 4, 5; с. 180, рис. 2, 3; с. 246; рис. 2, 3, 4). Прототипом их могли быть каменные и бронзовые поясные кольца.

Медный стержень, обозначенный нами условно как «костылек-застежка», не имеет подобных в культуре хунну Монголии и Забайкалья. Данное изделие представляет собой позднюю реплику костыльков, встречавшихся в культурах скифо-сакского круга Верхнего Приобья, Тувы и Казахстана. К рубежу эр данные предметы исчезли (Сингаевский, 2007).

Научно-технологические исследования, проведенные в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, показали, что пояс из кургана №43, вероятнее всего, выполнен из лакированной кожи «цзу цзя» (кит. 祖甲, zu jia) (Новикова, Марсадолов, Тишкин, 2018, с. 110). Имеющиеся данные позволили дополнительно указывать на импортный характер изделия. Наличие лакированных изделий и их отличное качество в исследованных курганах Монголии, Алтая, Тувы и Забайкалья свидетельствуют о богатстве кочевых народов и социальном статусе владельцев, а также демонстрируют связи с Китаем. Изучение состава лако-красочных покрытий на изделиях из кургана №43 памятника Яломан-II (в том числе чашечки) позволило уточнить их происхождение, а также датировку в таких рамках: от существования империи Цинь (221–207 гг. до н.э.) до времени средней Западной Хань, т.е. примерно с конца III до конца II в. до н.э. (Новикова, Марсадолов, Тишкин, 2018, с. 134–135).

В заключение можно сделать вывод, что многие зафиксированные детали наборных поясов из могильника Яломан-II являются отражением материальной культуры хунну (сюнну). Пояс из кургана №43 выступает образцом импортного парадного снаряжения, связанного с хуннуско-китайским миром, и отражает тесные контакты булан-кобинского населения с метрополией кочевой империи во II–I в. до н.э. Пояс из кургана №48 является одной из самых распространенных модификаций в погребениях центрально-азиатских хунну II в. до н.э. – I в. н.э. На его основе население булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э. разрабатывало различные варианты местных поясов с кольцами (Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015). Наборный пояс из кургана №60 воспроизводит разновременные гарнитуры хуннуского (сюннуского) снаряжения.

По материалам из курганов памятника Яломан-II получена серия радиоуглеродных дат (Тишкин, 2007, с. 264–268, 270–275). Их калибровочные данные указывают на широкий хронологический диапазон. Но основной массив

укладывается во II–I вв. до н.э. (Tishkin, 2011, fig. 16). Возможно, что AMS-датирование позволит сузить и уточнить эти рамки.

Таким образом, в результате раскопок могильника Яломан-II были получены хорошо документированные археологические источники для уточнения относительной хронологии памятников кочевников Центральной и Северной Азии хуннского (сюннского) времени. Их изучение будет продолжено.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

Список литературы

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. 120 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА, 1995. 287 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 1).

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 2).

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. Ун-та, 2002. С. 103 – 131.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркут. тех. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев Ю.В., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской

части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 107–115 (Археология СССР).

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. – С. 196–205 (Археология СССР).

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исследований. Тюмень: Препринт, 1991. 54 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая саяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-1) // Известия Алтайского государственного университета. Серия история. 2013. №4/1 (80). С. 228–237.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб.: АзиатИКА, 1998. 233 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология, 2007. №1. С. 159–166.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущин. науч. цент РАН, 1997. 196 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 208 с.

Никаноров В.П., Худяков Ю.С. Изображение воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. Вып. 2. С. 168–198.

Новикова О.Г., Марсадилов Л.С., Тишкин А.А. Китайский лаковый изделия в Забайкалье и на Алтае в хуннское время // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 106–143.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1968. Т. III. С. 59–104.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989. 240 с.

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.

Сингаевский А.Т. Поясные подвески VII в. до н.э. – I в. н.э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2007. №4/3. С. 161–173.

Сорокин С.С. Погребения эпохи «великого переселения народов» в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 446–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан- II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2005. Ч. I. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ погребального обряда // Российская археология. 2006. №3. С. 111–115.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан- II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2011. С. 158 – 173.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка- I // Российская археология. 2015. №1. С. 121–135.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1999. №4. С. 163–169.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972 – 1977 гг.) // Древняя культура Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–87.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и коинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол- I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны тов хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008. 141 т. (на монг. языке).

Пан Линь. Иволгинское городище и могильник, а также исследование связанных с ними вопросов в археологии сюнну. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. 219 с. (на кит. яз.).

Предварительное исследование сяньбийских погребений во Внутренней Монголии // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. С. 211–272 (на кит. яз.).

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар: Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Хүннүгийн үеийн сүйх тэрэг // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2007. Б. IV (XXIV). Т. 258 – 279 (на монг. яз.).

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Умард хуннүгийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 2008. Б. VI (XXVI). Т. 149–189 (на монг. яз.).

Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen Excavation of a cluster of tombs of the Xianbei nationality at Laoheshen in Yushu, Jilin // Wenwu. 1985. №2. P. 68–82 (на кит. яз.).

Brosseders U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 349–424 (на англ. яз.).

Leus P.M. New Finds from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 515–536 (на англ. яз.).

Ling P.A Summary of Xiongnu Sites within the Northern Periphery of China // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 463–474 (на англ. яз.)

«Treasres of the Xiongnu». Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Ulaanbaatar, 2011. 296 p. (на монг., англ. яз.).

Tishkin A.A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P.539–558 (на англ. яз.).

Unvestigation of Xiongnu elite burials Gol Mod 2 at Balgasyn tal. Ulan-Bator, 2015. 256 p. (на монг. яз.).

Wang Renxiang On Ordos bronze buckles // The collection of international symposium on Ordos bronze wares. Pecin, 2009. P. 435–466 (на кит. яз.).

Рис. 1. Ареал распространения памятников булан-кобинской культуры во II–III вв. н.э. Карта-схема (подготовлена А.А. Тишкиным)

Рис. 2. Археологический комплекс Яломан-II на снимке из космоса (место впадения Большого Яломана в Катунь, Центральный Алтай)

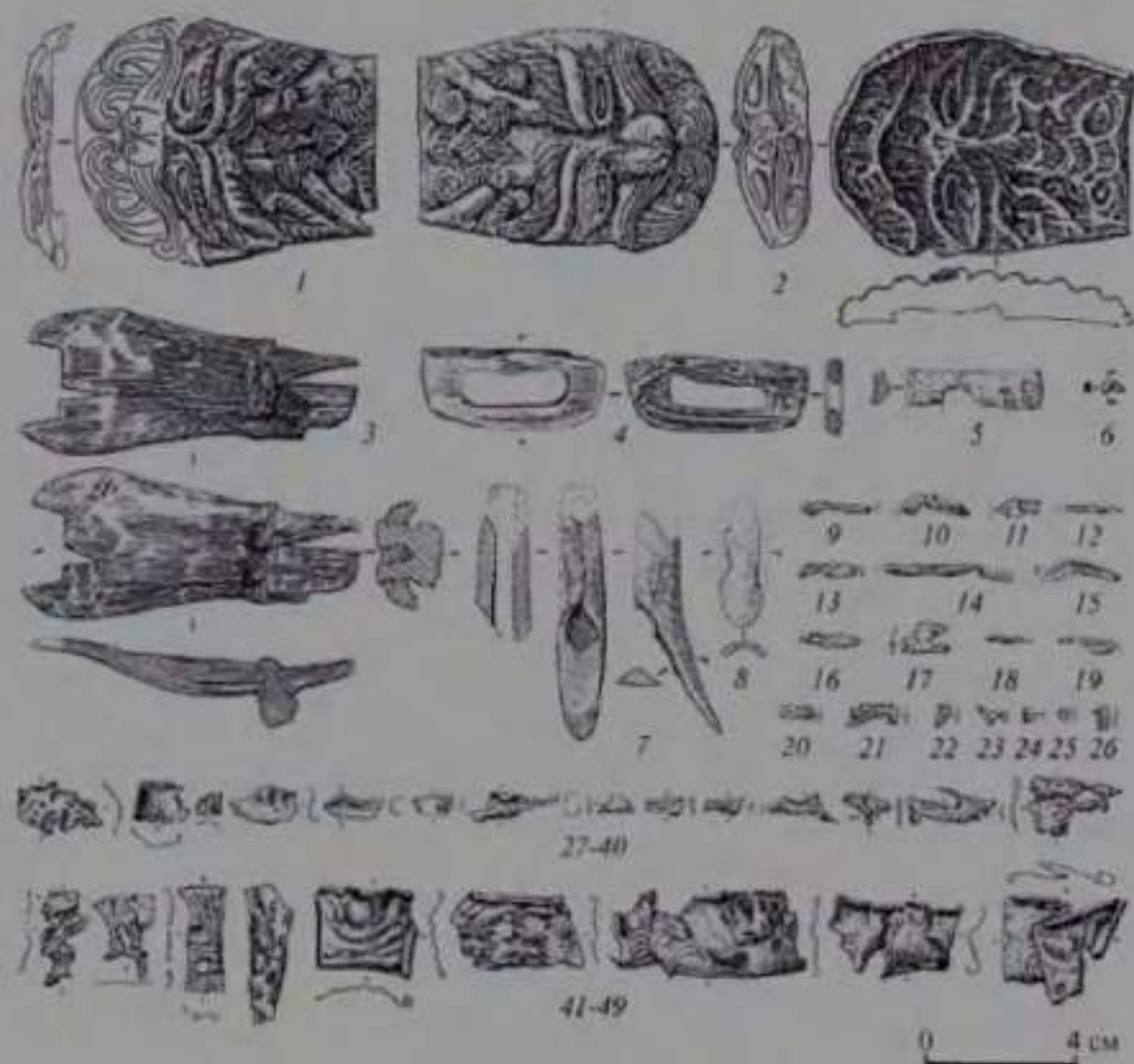

Рис. 3. Детали пояса из кургана №43 могильника Яломан-II: 1, 3 – пряжка с бляхой-накладкой, 2, 4, 5 – пряжка-блок с бляхой-накладкой; 6, 9–49 – остатки декора кожаного ремня; 7, 8 – ложечковидные подвески-застежки. 1, 9–26, 37–40 – золото, 2 – золото, камень; 3 – дерево, железо; 4, 5 дерево; 6 – камень (бирюза?); 7 – кость (рог?); 8 – цветной металл; 27–36, 41–49 – лак. Рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым

Рис. 4. Яломан-II. Курган №43. Целая поясная бляха-накладка из золота.
 Фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным

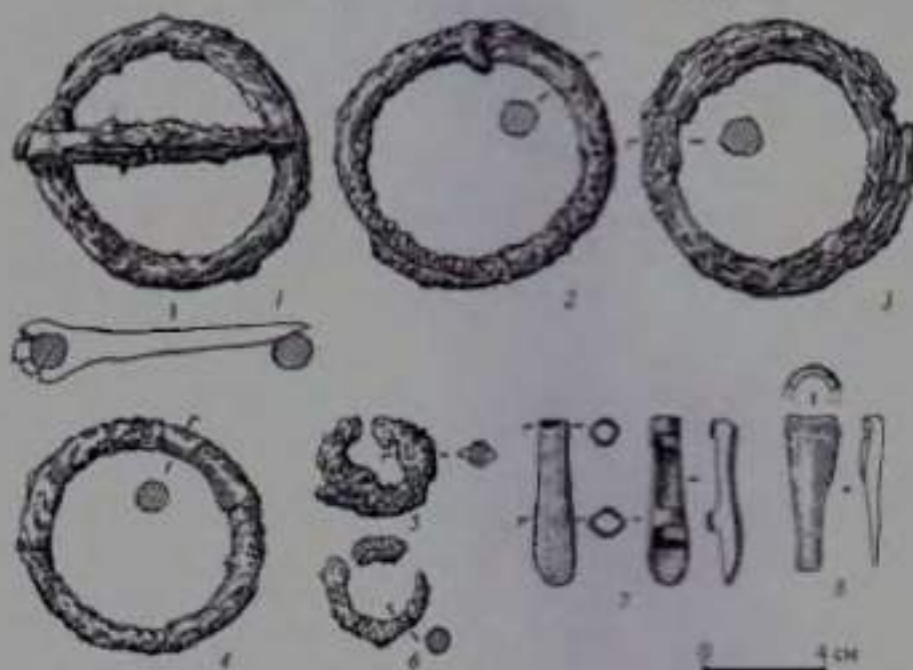

Рис. 5. Детали пояса из кургана №48 могильника Яломан-II: 1 – пряжка, 2–6 – кольца; 7, 8 – ложечковидные подвески-застежки. 1–6 – железо; 7 – цветной металл; 8 – кость (рог?). Рисунки выполнены А.Т. Кунгуровым

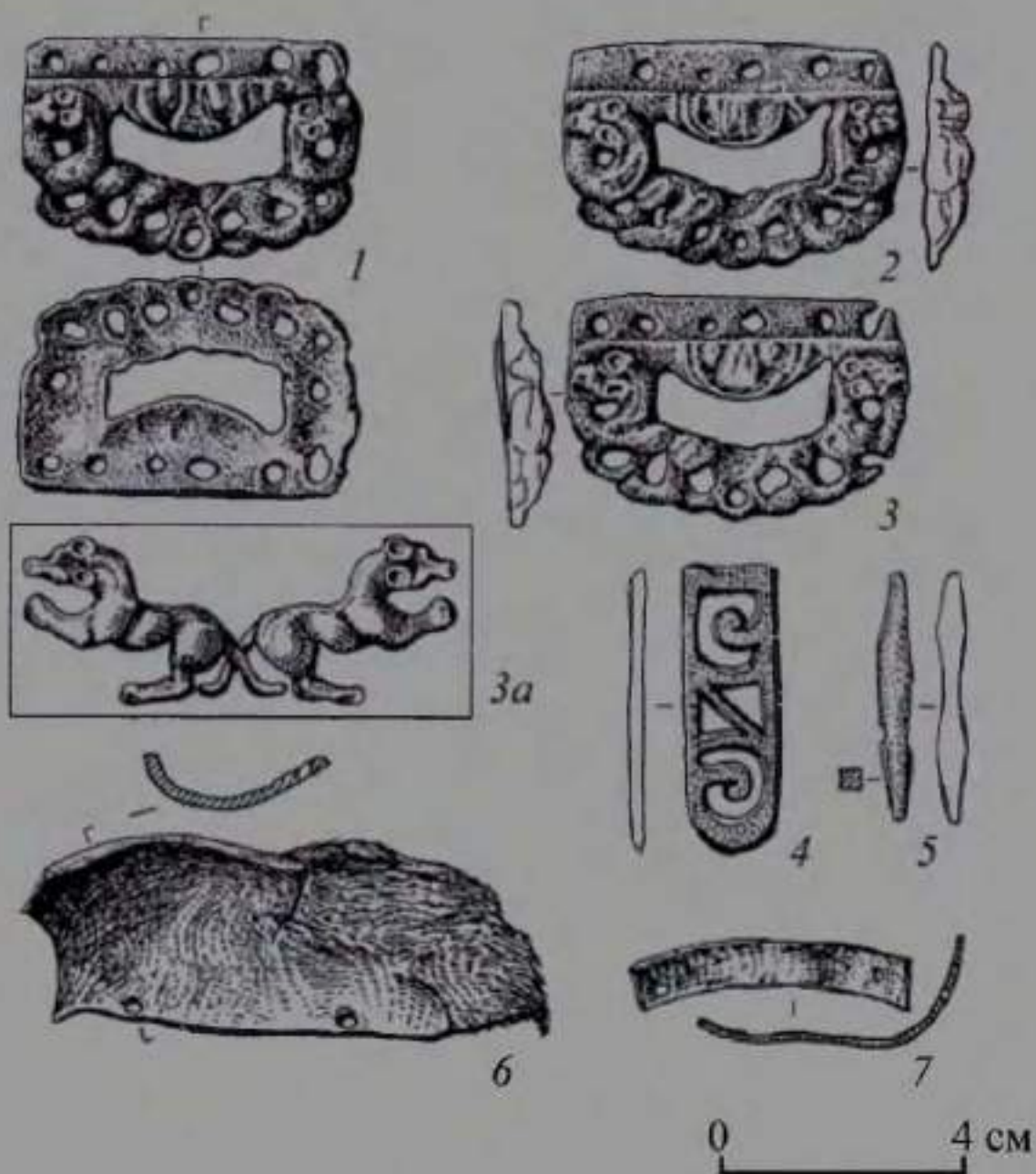

Рис. 6. Детали пояса из кургана №60 могильника Яломан-II: 1-3 - бляхи; 3а - прорисовка изображения на бляхах; 4 - наконечник ремня; 5 - застежка («костылек»), 6, 7 - фрагменты ремней. 1-3 - цветной металл, позолота; 4, 5 - цветной металл; 6, 7 - кожа. Рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым

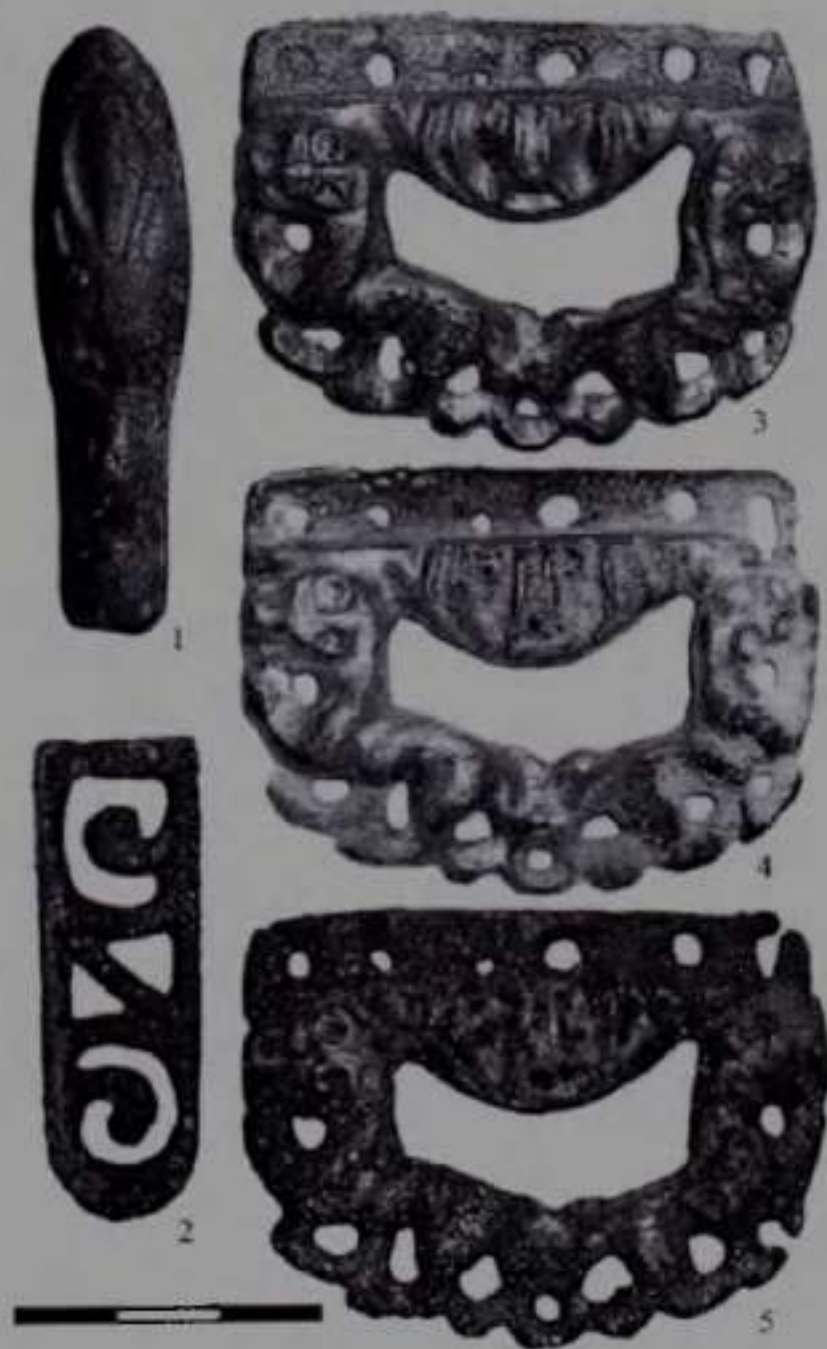

Рис. 7. Орнаментированная ложечковидная подвеска-застежка (1) и детали пояса (2-4) из кургана №60 могильника Яломан-II. Фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным